

ПРОФЕССИОНАЛЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

UDC 94(470+571)“1772/1840”:347.965

LBC 63.3(2)521-36

Submitted: 17.12.2021

Accepted: 17.02.2022

THE INSTITUTION OF ADVOCACY IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1840)

Ihar G. Hushchynski

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The purpose of this study is to reveal the main aspects of the advocacy institution functioning in the Belarusian-Lithuanian provinces in 1772–1840. The investigation will make it possible to eliminate appropriate gaps in historiography and provide to take a broader view on the judicial and legal system of the Russian Empire at the time at all. **Methods and Materials.** The study is based on fundamental theoretical and methodological principles: historicism, objectivity, systemic and value approaches. **Analysis.** After the territory of the Grand Duchy of Lithuania had become part of the Russian Empire, local regulations in civil proceedings were preserved here. In this regard, lawyers took part in civil trials. This was a distinctive feature of the local judicial system in comparison with the general imperial one. The institution of advocacy was abolished in Belarusian-Lithuanian provinces together with implementation of the Russian model of the judiciary and proceedings here (in 1831 – in Vitebsk and Mogilev provinces, in 1840 – in the Minsk, Grodno and Wilno provinces). **Results.** The activity of lawyers was regulated by the norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588, the orders of the Seimas of the Polish-Lithuanian Commonwealth, also by several laws which were issued by the Russian government. The legal profession in the Belarusian-Lithuanian provinces was quite highly paid and prestigious in public perception. Though the Russian authorities' opinion on the advocacy was generally negative.

Key words: advocacy, history of advocacy, judicial system, Russian Empire, Belarusian-Lithuanian provinces, Western provinces, Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588.

Citation. Hushchynski I.G. The Institution of Advocacy in the Belarusian-Lithuanian Provinces of the Russian Empire (1772–1840). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 69-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

УДК 94(470+571)“1772/1840”:347.965
ББК 63.3(2)521-36

Дата поступления статьи: 17.12.2021
Дата принятия статьи: 17.02.2022

ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1840 гг.)

Игорь Геннадьевич Гущинский

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Цель представленного в данной статье исследования – раскрыть основные аспекты функционирования института адвокатуры в белорусско-литовских губерниях в 1772–1840 годах. Это позволит устранить соответствующий пробел в историографии и будет способствовать формированию более широкого представления о характере судебно-правового строя Российской империи того времени в целом. *Методы и материалы.* Исследование базируется на основополагающих теоретико-методологических принципах: историзма, объективности, системного и ценностного подходов. *Анализ.* После присоединения территории Великого Княжества Литовского к Российской империи здесь были сохранены местные нормы права в области гражданского судопроизводства. В связи с этим в судебных процессах по гражданским делам могли принимать участие адвокаты. Это было отличительной чертой местной судебной системы по сравнению с общеимперской. Институт адвокатуры в белорусско-литовских губерниях был упразднен вместе с полным переводом данной территории на российскую модель судостройства и судопроизводства (в 1831 г. – в Витебской и Могилёвской, в 1840 г. – в Минской, Гродненской и Виленской). *Результаты.* Деятельность адвокатов белорусско-литовских губерний регламентировалась нормами Статута Великого Княжества Литовского 1588 г., постановлениями Сейма Речи Посполитой, а также рядом законов, изданных российским правительством. Адвокатская профессия здесь являлась достаточно высокооплачиваемой и престижной в общественном представлении. При этом отношение российских властей к адвокатуре было в целом отрицательным.

Ключевые слова: адвокатура, история адвокатуры, судебная система, Российская империя, белорусско-литовские губернии, западные губернии, Статут Великого Княжества Литовского 1588 года.

Цитирование. Гуцинский И. Г. Институт адвокатуры в белорусско-литовских губерниях Российской империи (1772–1840 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 69–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

Введение. На территории, присоединенной к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), ещё на протяжении нескольких десятилетий после этого сохранялось в действии местное право в области гражданского судопроизводства – Статут Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) 1588 г., постановления (конституции) Сейма Речи Посполитой. В связи с этим гражданский судебный процесс здесь характеризовался состязательностью, публичностью, использованием судебного разбирательства, предусматривал институт адвокатуры. Тем самым он отличался от российского образца того времени, который основывался на инквизиционной (следственной, розыскной) модели, согласно которой суд рассматривал дела за закрытыми дверями без участия сторон, преимущественно на основе письменных документов. В таких условиях функция поверенного фактически сводилась лишь к написанию прошений, сбору разного рода бумаг и подаче их в суд [11, с. 536].

Цель представленного в данной статье исследования – раскрыть основные аспекты функционирования института адвокатуры в белорусско-литовских губерниях в 1772–1840 годах. Это будет способствовать установлению специфики осуществления правосу-

дия на данной территории, а также формированию более широкого представления о характере судебно-правового строя Российской империи того времени в целом.

Географические границы исследования охватывают часть так называемых западных губерний (то есть территории, присоединенной к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой), которая на разных этапах рассматриваемого периода входила в состав губерний: Могилёвской и Псковской (1772–1776 гг.); Могилёвской и Полоцкой (1776–1793 гг.); Могилёвской, Полоцкой и Минской (1793–1796 гг.); Белорусской, Минской и Литовской (1796–1801 гг.); Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской и Виленской (с 1802 г.). В тексте статьи для обобщенного названия этого региона используется термин «белорусско-литовские губернии». То есть внимание автора сфокусировано на части западных губерний, за исключением украинских (Брацлавской, Киевской, Подольской и Волынской). Хронологические рамки исследования обусловлены периодом сохранения в действии на территории белорусско-литовских губерний судебно-правовых традиций ВКЛ – от первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) до отмены Николаем I в 1840 г. действия местных особенностей в

области правосудия в Минской, Гродненской и Виленской губерниях.

Методы и материалы. Данное исследование базируется на основополагающих теоретико-методологических принципах: историзма, объективности, системного и ценностного подходов. Непосредственным инструментарием достижения исследовательской цели стали как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы.

Проблема адвокатуры западных губерний в конце XVIII – первой трети XIX в. была частично освещена в одной из предыдущих работ автора данной статьи [3]. Также в ходе историографического анализа изучаемой темы было выявлено несколько относительно небольших по объему публикаций, специально посвященных ей, – российского юриста 2-й половины XIX в. В.П. Мордухай-Болтовского [12], польского историка права С. Годека [28], литовского историка Э. Александравичюса [24]. Проблеме адвокатуры западных губерний рассматриваемого периода уделено внимание в ряде работ, посвященных более широким или смежным темам – в целом политике российских властей по отношению к западным губерниям [9, с. 221–222], местному праву [30, с. 30–45], истории адвокатуры [2, с. 57–58; 1, с. 101–113], чиновничеству белорусских губерний [10, с. 43–44, 56–57]. Авторы большинства данных работ, обращаясь к проблеме адвокатуры западных губерний, использовали практически только законодательные акты. Соответственно, внимание уделялось в основном ее нормативно-правовому обеспечению.

В ходе исследования в качестве источников были привлечены правовые акты (Статут ВКЛ 1588 г., сеймовые конституции Речи Посполитой, законодательство Российской империи), неопубликованные делопроизводственные источники, публикации из периодической печати того времени, а также мемуарная и художественная литература авторов конца XVIII – первой половины XIX века.

Анализ. Прежде чем рассматривать непосредственно проблему адвокатуры в белорусско-литовских губерниях, следует крат-

ко охарактеризовать саму судебную систему на этой территории, так как она в данный период существенно отличалась от общеимперской. При Екатерине II в западных губерниях вводилась российская модель судостроительства согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года. При этом в области гражданского судопроизводства сохранялись в действии прежние нормы права, в том числе институт адвокатуры, а также продолжал использоваться польский язык. После смерти императрицы ее преемник Павел I попытался восстановить здесь судебные органы периода ВКЛ. В результате этого в белорусско-литовских губерниях сформировалась следующая система судостроительства. Судами 1-й инстанции в уездах были, в зависимости от губернии, либо земские поветовые суды (в Белорусской и Минской губерниях), либо отдельные гродские и земские суды (в Литовской губернии). Земские поветовые суды рассматривали как уголовные, так и гражданские дела (фактически они являлись аналогом российских уездных судов). Отдельные гродские и земские суды, как и во времена ВКЛ, специализировались соответственно на уголовных и гражданских делах. При этом гродские суды также могли рассматривать и гражданские дела. Для решения дел по спорам о границах земельных владений были предусмотрены специальные подкоморские суды. В 1810–1812 гг. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях для таких дел была создана целая система межевых судов. В городах судами 1-й инстанции были, как и во внутрироссийских губерниях, городские магистраты или ратуши. Также функцию суда 1-й инстанции могли выполнять судебные органы, создаваемые для рассмотрения конкретного дела – компромиссорские (аналог российских третейских судов) и эксдивизорские суды (предназначались для раздела имущества неплатежеспособного должника между кредиторами). Судом 2-й инстанции являлись главные суды, которые находились в губернских городах. Они считались преемниками Трибунала – высшего судебного органа ВКЛ. В судопроизводстве применялось как местное право, так и российское законодательство. Область использования местного права в основном ограничивалась

сферой гражданского судопроизводства. Таким образом, институт адвокатуры действовал только в гражданском процессе. К участию в рассмотрении уголовных дел они были допущены лишь непродолжительный период в 1812 г. – на территории, подведомственной созданной с разрешения Наполеона Комиссии временного правительства ВКЛ [34, с. 1]. Языком гражданского судопроизводства в рассматриваемый период был преимущественно польский [4].

Нормативно-правовую базу функционирования адвокатуры западных губерний в рассматриваемый период составляли Статут ВКЛ 1588 г., постановления Сейма Речи Посполитой, а также ряд российских законов, принятых после включения данной территории в состав империи. В Статуте ВКЛ 1588 г. закреплялось само право сторон вести дело в суде через доверенных лиц, предусматривались некоторые ограничения для претендентов на выполнение функции адвоката, устанавливалась ответственность для них в случае причинения ущерба доверителю (вплоть до смертной казни). Также в Статуте содержалась норма о назначении судом бесплатного адвоката для тех, кто по причине бедности не мог оплатить его услуги (например, сироты и вдовы) [22, с. 383–393]. Позже нормативно-правовая база института адвокатуры была дополнена рядом постановлений Сейма Речи Посполитой. Например, были установлены критерии, которым должны были соответствовать адвокаты. Ими могли быть только поместные дворяне, владеющие знаниями в области права и не замеченные ни в каких преступлениях. В данном контексте следует подчеркнуть, что прием в число адвокатов, а также дисциплинарный контроль за их деятельностью осуществляли сами суды. Конституция 1726 г. предусматривала дачу адвокатами присяги по установленной форме [12, с. 3]. Данный текст продолжал использоваться адвокатами западных губерний и в XIX в. [15, л. 9]. Конституция 1768 г. дала право быть адвокатами в судах и не дворянам, но только кроме Трибунала, земских и гродских судов [30, с. 31–32]. В ряде постановлений Сейма были уточнены и конкретизированы некоторые действия, которые считались недопустимыми для адвокатов. Например, отказ от уже

взятого дела без веских причин, передача бумаг и дача советов противоположной стороне, нарушение порядка в суде, умышленное затягивание судебного процесса посредством каких-либо приемов, в целом халатное отношение к выполнению обязанностей адвоката и др. Также были определены конкретные меры наказания за упомянутые действия [30, с. 37–39].

Как уже было отмечено выше, после присоединения территории ВКЛ к Российской империи здесь были сохранены нормы местного права в области гражданского судопроизводства. Исключение составляли только дела, связанные с интересами казны, о церковной собственности, а также выходе из крепостной зависимости. Они рассматривались по правилам российского законодательства – по инквизиционной форме судебного процесса [30, с. 54]. По остальным гражданским делам судопроизводство было гласным, состязательным и предполагало возможность участия адвокатов. На заседании суда могли присутствовать не только заинтересованные лица, но и публика. При этом существовала практика, когда адвокаты подавали суду свои объяснения по делу («голоса») в письменной форме, иногда в нескольких экземплярах – для каждого судьи. По наиболее значимым процессам, имевшим резонанс в обществе, такие голоса печатались и для публики [31, с. 9]. Данные документы зачитывались на судебном заседании сторонами, которые могли дополнять написанный текст словесными объяснениями [13, с. 182].

Сохранив действие местных правил гражданского судопроизводства в принципе, российские власти принимали и свои законодательные акты, регулирующие данную сферу. Иногда они просто дублировали местные нормы, но также могли их корректировать или, в отдельных аспектах, вовсе заменять. Во-первых, это было обусловлено естественной необходимостью модернизировать законодательство. Во-вторых, российским властям нужно было упорядочить и актуализировать для себя по сути незнакомое им местное право. В частности, это относилось к институту адвокатуры, непредусмотренному российским законодательством. В-третьих, местные правовые нормы подвергались корректировкам

также потому, что некоторые из них были существенно чужды мировоззрению представителей российской власти. Это относилось и к институту адвокатуры.

Отношение российских властей к адвокатуре было в основном отрицательным [13, с. 230]. Известны негативные высказывания об адвокатах Екатерины II и Николая I [11, с. 535–536; 13, с. 175–176; 21, с. 306–307]. Их мнение об адвокатуре было определено тем, что именно адвокатами были виднейшие деятели Французской революции – Робеспьер, Дантон, Мирабо, Демулен и некоторые другие. Негативное отношение к адвокатам западных губерний было присуще представителям местного высшего губернского начальства. В 1831 г., на фоне событий происшедшего здесь антиправительственного восстания, могилёвский губернатор М.Н. Муравьёв писал, что класс адвокатов служит основанием мятежа, поэтому является опасным и вредным. По его мнению, ликвидация адвокатуры должна была стать важнейшим фактором усмирения шляхты и достижения ее лояльности к проводимой российскими властями политике [13, с. 234]. Для этого он предлагал удалить адвокатов из западных губерний и привлечь их к различным должностям во внутренних губерниях империи [13, с. 237]. В подобном ключе в отношении адвокатов в начале 1840 г., когда решался вопрос о сохранении в западных губерниях действия местного права в виде отдельного от общеимперского свода гражданских законов, высказывался киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков [13, с. 245].

Негативное восприятие адвокатуры властями определяло характер законодательных мер, которые принимались правительством по упорядочению ее функционирования. Их смысл почти всегда сводился к ограничению действия данного института. Например, в 1785 г. сенаторами Воронцовым и Нарышкиным проводилась ревизия Могилёвской губернии. По ее результатам судебные дела о церковной собственности стали разбираться без соблюдения «формальностей польских законов», в том числе без участия адвокатов, так как последние, по мнению сенаторов, «высасывают из верителей часто не меньше того, чего стоит иск» [8, с. 261]. В 1797 г. граждан-

ский губернатор Литовской губернии Я.И. Булгаков обратился в Сенат с докладом об ограничении числа адвокатов в его губернии, обретшим после его подписания 14 декабря 1797 г. Павлом I силу закона [16]. В нем говорилось о том, что местные адвокаты чаще не содействовали правосудию, а наоборот, множили распри и ссоры, брали с клиентов непомерную плату. В связи с этим губернатор предложил принять меры для регламентации деятельности адвокатов. В основном они повторяли соответствующие правила, предусмотренные Статутом ВКЛ 1588 г. и сеймовыми конституциями Речи Посполитой. Вместе с тем предлагались некоторые дополнения к существующей практике. Например, для получения права быть адвокатом в главном суде нужно было не менее 6 лет проработать в нижестоящих судах, иметь оттуда положительную характеристику с указанием количества оконченных мировой дел, а также сдать соответствующий экзамен. Важным пунктом доклада Я.И. Булгакова было определение точного количества адвокатов в Литовской губернии: в Главном литовском суде – 18, в городских и земских судах каждого уезда – по 10, в магистратах и ратушах – в зависимости от количества жителей города от 5 до 10. Также в докладе подчеркивалось, что стороны могут сами, без адвоката, защищать свои интересы в суде, так как это делает правосудие более доступным для населения. Приведенные выше правила первоначально касались только территории Литовской губернии. На остальные западные губернии их действие было распространено указом Александра I от 17 сентября 1811 года [17]. Еще одной ограничительной мерой правительства по отношению к адвокатуре западных губерний стало введение в 1825 г. предварительной цензуры адвокатских речей («голосов»), которые тиражировались печатным способом [18].

Занятие адвокатурой считалось вполне почетным для шляхты, в отличие, например, от торговли или военной службы в Российской армии [35, с. 576–577]. Кроме того, адвокатские услуги были очень востребованы, чему способствовало сутяжничество как характерная черта шляхетского менталитета [14, с. 22]. Поэтому недостатка в желающих стать адвокатами не было [23, с. 153].

Мемуарист Я.Д. Охотский (1766?–1848) писал, что в XVIII в. при канцеляриях судов находилось по сто и более молодых людей, которые там набирались знаний и опыта в области права и судопроизводства [14, с. 6]. Литовский историк Э. Алексанравичюс приводит данные, что в 1818–1825 гг. в Россиенах (уездный город на тот момент Виленской губернии) было около 200 молодых людей, начинавших заниматься юридической деятельностью [24, с. 183]. Однако определить количество адвокатов, которые действовали в судах и имели официальный статус, на основе имеющихся документов едва ли возможно. В реальности их число при конкретном суде могло отличаться от цифр, установленных законодательством. Например, хотя для главного суда полагалось наличие 18 адвокатов [16], Минским главным судом в марте 1812 г. их было выбрано только 12 (из 16-ти кандидатур) [15, л. 1]. Круг лиц, занимавшихся адвокатской деятельностью, не ограничивался числом официальных адвокатов при судах. Количество адвокатских вакансий было лимитировано только в главных судах и основных судебных учреждениях 1-й инстанции (земских поветовых, земских, гродских судах, магистратах и ратушах). Но существовали также подкоморские, межевые, эксдивизорские и компромиссорские суды. В них для лиц, представляющих интересы сторон в качестве адвокатов, никаких специальных ограничений предусмотрено не было [35, с. 577].

Карьерный путь адвоката, как правило, начинался с канцелярии земского, гродского или даже главного суда. Такие канцелярии, помимо основного своего предназначения, выполняли функцию профессиональной подготовки юристов. Видимо, в связи с этим их называли палестрами [14, с. 6] (в Древней Греции так назывались гимнастические школы). Также термин «палестра» использовался для обобщенного названия сообщества адвокатов [32, с. 11–13]. В упомянутых канцеляриях молодые люди («апликанты») набирались знаний в области права и получали опыт работы в судебной сфере, занимаясь канцелярской работой. Также они могли выполнять роль стажеров («агентов») при опытных адвокатах («патронах», «меценасах») [23, с. 151–152]. При этом возраст апликантов мог быть

довольно юный. Например, Юзеф Карчевский, впоследствии адвокат Виленского главного суда, поступил на работу в канцелярию Ошмянского гродского суда в 16-летнем возрасте [29, с. 251].

Относительно качества работы адвокатов имеются противоречивые сведения. Как уже говорилось, российские власти в целом критически относились к их деятельности. Причем это основывалось не только на предубеждении, что адвокатура вредна как корпорация и юридический институт, но и имевших место конкретных нарушениях и злоупотреблениях адвокатов западных губерний. Их широкую распространенность отмечал губернатор Литовской губернии Я.И. Булгаков в 1797 г. в упомянутом выше докладе Сенату, обосновывая необходимость регламентации и контроля деятельности адвокатов [16]. В 1825 г. данную проблему поднял витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор Н.Н. Хованский. К нему поступили сведения, что белорусские адвокаты брали с клиентов непомерную оплату и при этом халатно относились к своим обязанностям [5, л. 1–1 об.], или вовсе их не выполняли. В качестве примера генерал-губернатор приводил случаи, когда адвокаты брали гонорары за услуги, но затем, чтобы избежать работы, сговаривались между собой и без согласия клиентов заявляли суду, что стороны достигли мирового соглашения [5, л. 19–20 об.]. Н.Н. Хованский потребовал от гражданских департаментов Витебского и Могилевского главных судов проверить всех адвокатов, состоящих при них, а также при земских поветовых судах этих губерний, на предмет их официально подтвержденного дворянского происхождения и наличия имений и аттестата об образовании. Адвокаты, не предоставившие соответствующие документы, должны были быть лишены права заниматься данной деятельностью [5, л. 1–1 об.]. Сделать смогли это далеко не все. Например, при гражданских департаментах Витебского и Могилевского главных судов осталось только по 2 адвоката [12, с. 3]. Критиковали адвокатов не только российские власти. Есть примеры негативных характеристик адвокатуры и со стороны представителей местного дворянства. Например, в воспоминаниях Я.Д. Охотского говорится о том,

что многочисленные адвокаты, которые набивались ко всем со своими услугами, способствовали росту числа различного рода тяжб в судах [14, с. 22]. Критические мысли относительно адвокатуры высказывал литератор Ян Гаштовт в своей повести «Пан Судьич» («Pan Sędzic»), опубликованной в 1839 году. Он писал, что адвокаты, сами являясь неотъемлемой частью крайне несовершенной и коррумпированной судебной системы, своей деятельностью не способствовали торжеству справедливости, а наоборот, убеждали в обратном [27, с. 26–27].

Следует отметить, что критика адвокатуры в основном сводилась к нецелесообразности ее наличия как таковой, а также недобросовестности адвокатов по отношению к клиентам. Вместе с тем в ходе исследования не встретилось упоминаний о невежестве адвокатов в юридической сфере – незнании законов, процедур, неумении составлять документы и т. п., хотя этому могло способствовать неконкретное определение в законодательстве образовательного ценза для адвокатов. Благоприятным условием для развития в западных губерниях института адвокатуры являлось то, что в местном обществе, главным образом в среде шляхты, были популярны и широко распространены знания правовых традиций края. Известно, что они преподавались в учебных заведениях. Причем не только в Виленском университете, но и других, более низкого уровня [23, с. 153]. Эти знания, в первую очередь текста Статута ВКЛ 1588 г., являлись важной составляющей национальной и социальной самоидентификации шляхты [24, S. 181]. Адвокатская деятельность (по крайней мере, в качестве официального адвоката при суде) представлялась в обществе как безусловно требующая основательных знаний в области права и продолжительной подготовки [26, S. 76]. Сохранились положительные или даже восторженные отзывы современников о конкретных адвокатах [31, с. 9; 33, с. 213]. В деле о служебной деятельности адвокатов Минского главного суда из фондов Национального исторического архива Беларуси имеются характеристики, которые выдавались адвокатам при их увольнении. Все они положительно характеризовали профессиональные качества адвокатов [15, л. 5, 8 об.].

В целом, несмотря на имевшие место недостатки, адвокатура в общественном правосознании западных губерний (прежде всего шляхты) являлась неотъемлемой составляющей правосудия, поэтому адвокаты были востребованы.

Размер гонорара адвоката обычно определялся личной договоренностью между ним и верителем, как и во времена Речи Посполитой. Определенных такс не существовало [25, с. 64]. Единственное, законодательство предусматривало очень расплывчатое требование к адвокатам не брать с клиентов сумм, несоизмерных важности дела [16]. Такой пункт содержала и адвокатская присяга [25, с. 64]. Иногда сумму гонорара адвоката мог определить суд. Например, в 1831 г. некая Екатерина Чертович обратилась в гражданский департамент Минского главного суда с просьбой назначить ей адвоката за счет доходов ее имения, которое в тот момент находилось под внешним управлением по причине долгов. Суд удовлетворил просьбу и предписал выделить из доходов имения просительницы сумму в размере 100 серебряных рублей на оплату услуг адвоката данного суда Андрея Гласко [6, л. 3]. Для сравнения – такая сумма в этот период примерно соответствовала месячному заработку (включая жалование и столовые) губернского прокурора [10, с. 102]. Очевидно, гонорары адвокатов различались в зависимости от сложности дела или характера услуги, длительности процесса, статуса и запроса конкретного адвоката и т. д. Большое количество желающих заниматься адвокатской деятельностью указывает на то, что она считалась достаточно прибыльной. В особенности это относилось к адвокатам, работавшим в главных судах. Об этом свидетельствует стремление адвокатов судов 1-й инстанции стать адвокатами главных судов [15, л. 7; 7; 13–17].

Восстание 1830–1831 гг. спровоцировало усиление политики имперского центра, направленной на унификацию западных губерний с внутрироссийскими. Важной ее составляющей стало упразднение местных особенностей в судебной системе и введение российской модели судостроительства и судопроизводства. В Витебской и Могилевской губерниях это произошло в 1831 г. [19], в Минской,

Гродненской и Виленской – в 1840 году [20]. С этого момента действие адвокатуры как юридически оформленного института на данной территории прекращалось. Вновь он был здесь введен только в 1883 г. – вместе с открытием окружных судов, согласно судебной реформе 1864 года.

Результаты. Таким образом, состязательная форма судебного процесса по гражданским делам и участие в нем адвокатов являлись важной особенностью судебной системы белорусско-литовских губерний в 1772–1840 гг. по сравнению с внутривосточными. Правовую базу функционирования адвокатуры западных губерний составляли нормы Статута ВКЛ 1588 г., некоторых постановлений Сейма Речи Посполитой, а также ряд российских законодательных актов. Регламентация приема в адвокатуру, закрепленность статуса адвокатов в судопроизводстве дают основание рассматривать их как социально-правовой институт, предназначенный для защиты прав и интересов доверителей в суде. При этом адвокаты были подведомственны судебным учреждениям и не имели формальной корпоративной организации. Адвокатская профессия в белорусско-литовских губерниях являлась достаточно высокооплачиваемой и престижной в общественном представлении. Вместе с тем отношение российских властей к адвокатуры западных губерний было в целом отрицательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов С. Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозащитничества и судебного представительства (XV – начало XX веков): в 2 т. М.: ФПА РФ, 2009. Т. 2. 311 с.
2. Гур'ева А. А. Гісторыя інстытута адвокатуры Беларусі (XVI–XVIII стст.): дыс. ... канд. юр. навук. Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2016. 152 л.
3. Гушчынскі І. Г. Заканадаўчае забеспячэнне інстытута адвокатуры на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. // Весці БДПУ. Сер. 2. 2017. № 2. С. 28–32.
4. Гушчынскі І. Г. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. // Журнал Беларускаго государственного университета. История. 2020. № 2. С. 19–30.
5. Дело о компетенции адвокатов // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 3309. Оп. 1. Д. 1712. 33 л.
6. Дело по прошению владелицы им. Большие Граничи Вилейского уезда К. Чертович о назначении адвоката в ее процессе с кредиторами // НИАБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 310. 8 л.
7. Дело по прошению палестранта Борисовского уезда Р.Д. Ивановского о допущении его к принятию присяги на должность адвоката главного суда // НИАБ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 83. 7 л.
8. Добрынин Г. И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. 380 с.
9. Жукович П. Н. Западная Россия в царствование императора Павла // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 63. 1916. № 6. С. 183–226.
10. Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск: Военная академия РБ, 2007. 171 с.
11. Колмаков Н. М. Старый суд // Русская старина. 1886. № 12. С. 511–544.
12. Мордухай-Болтовский В. Заметки об адвокатах, бывших в западных губерниях России во время действия в них Литовского статута // Виленский вестник. 1866. 2 авг. С. 3.
13. Нольде А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб.: Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 314 с.
14. Охотский Я. Д. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века: в 2 т. СПб.: Тип. П.П. Меркурьева, 1874. Т. 1. 336 с.
15. Протокол служебной деятельности адвокатов Минского главного суда // НИАБ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 22. 33 л.
16. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 24. № 18266. С. 817–820.
17. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24778. С. 845.
18. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 40. № 30328. С. 208–209.
19. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 1. № 4233. С. 1.
20. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 15. Отд. 1. № 13591. С. 443–445.
21. Семенов Н. П. Наши реформы // Русский вестник. 1884. Т. 169, № 1–2. С. 282–332.
22. Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного: в 2 ч. СПб.: Правительствующ. Сенат, 1811. Ч. 1. XXVII, 543 с.
23. Яневич-Яневский К. Об адвокатах и адвокатуре в России // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7–8. С. 145–162.
24. Aleksandravičius E. Świat źmudzkiej palestry na początku XIX wieku // Palestra. 2009. № 7–8. S. 179–186.

25. Car S. Zarys historii adwokatury w Polsce. Zeszyt 1. Warszawa: Księgarnia F. Hoesicka, 1925. 105 s.
26. Do wydawcy Wiadomości Brukowych // Wiadomości Brukowe. 1817. 21 kwietnia. S. 76–78.
27. Gasztowt J. Pan Sędzic. Poitiers: F.-A. Saurin, 1839. 101 s.
28. Godek S. «Rodzaj ludzi znaiomych tam pod imieniem Adwokatów, Patronów, Agentów, Jurystów», czyli o palestrze w guberni litewskiej za panowania Pawła I // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2011. T. 63, № 2. S. 283–303.
29. Jankowski C. Powiat Osmiański: materjaj do dziejów ziemi i ludzi. Petersburg: Księgarnia K. Grendyszyńskiego, 1896. Cz. 1. 391 s.
30. Korowicki A. Proces cywilny litewski. Wilno: Józef Zawadzki, 1826. 316 s.
31. Kraszewski K. Urywki ze wspomnień nowogrodzkiego szlachcica. Kraków: Druk Wł. L. Anczyca i Spółki, 1893. 34 s.
32. Lewin I. Palestra w dawnej Polsce. Lwów: Pamiętnik Historyczno-Prawny, 1936. 124 s.
33. Morawski S. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825). Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. 541 s.
34. Sąd Główny Wileński I Departamentu w Wielkim Xstwie Lit:... // Kuryer Litewski. 1812. 18 sierpnia. S. 1.
35. Sękowski S. Dziennik podróży Józefa Sękowskiego z Wilna przez Odessę do Sztambułu // Dziennik Wileński. 1819. T. 2, № 6. S. 565–591.

REFERENCES

1. Gavrilov S.N. *Istoriia advokatury v Rossii: genesis i evoliutsiia form pravozastupnichestva i sudebnogo predstavitelstva (XV – nachalo XX vekov): v 2 t.* [The History of Advocacy in Russia: Genesis and Evolution of the Forms of Legal Representation (the 15th – the Beginning of the 20th Centuries). In 2 Vols.]. Moscow, FPA RF Publ., 2009. 311 p.
2. Guryeva A.A. *Gistoryia instytuta advakatury Belarusi (XVI–XVIII stst.): dys. kand. iuryd. nauk: 12.00.01* [The History of the Institution of Advocacy of Belarus (the 16th – 18th Centuries. Cand. jurid. sci. diss.]. Minsk, 2016. 152 p.
3. Gushchynski I.G. Zakanadawchae zabespichenne instytuta advakatury na terytorii Belarusi w kantsy XVIII – pershai tretsi XIX st. [Legislative Support for the Bar on the Territory of Belarus at the End of the 18th – the First Third of the 19th Century]. *Vestsi BDPU. Ser. 2.* [BSPU Bulletin. Series 2], 2017, no. 2, pp. 28-32.
4. Gushchynski I.G. Sudovaia sistema na terytorii Belarusi w 1797–1840 gg. [The Judicial System

on the Territory of Belarus in 1797–1840]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Journal of the Belarusian State University. History], 2020, no. 2, pp. 19-30.

5. Delo o kompetentsii advokatorov [Case on the Competence of Lawyers]. *Natsionalnyi istoricheskii arkhiv Belarusi (dalee – NIAB)* [National Historical Archives of Belarus], f. 3309, inv. 1, d. 1712. 33 l.

6. Delo po prosheniiu vladelitsy im. Bolshie Granichi Vileiskogo uезда K. Chertovich o naznachanii advokata v ee protsesse s kreditorami [Case on the Request of the Owner of the Estate Bolshie Granichi in the Vileika District K. Chertovich on the Appointment of a Lawyer in Her Trial with Creditors]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 588, inv. 2, d. 310. 8 l.

7. Delo po prosheniiu palestranta Borisovskogo uезда R.D. Ivanovskogo o dopushchenii ego k priniatiuu prisiagi na dolzhnost advokata glavnogo suda [The Case on the Request of the Advocate R.D. Ivanovsky from the Borisov District on Admitting Him to Take the Oath as a Lawyer of the Main Court]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 588, inv. 1, d. 83. 7 l.

8. Dobrynin G.I. *Istinnoe povestvovanie, ili zhizn Gavriila Dobrynina (pozhiivshogo 72 g. 2 m. 20 dnei), im samim pisannaia v Mogileve i v Vitebske. 1752–1823* [True Story, or the Life of Gavriil Dobrynin (Who Lived 72 Years 2 Months 20 Days), Written by Him in Mogilev and Vitebsk. 1752–1823]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina, 1872. 380 p.

9. Zhukovich P.N. Zapadnaia Rossiia v tsarstvovanie imperatora Pavla [Western Russia in the Reign of Emperor Paul]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia* [Journal of the Ministry of Public Education. New Series. Pt. 63], 1916, no. 6, pp. 183-226.

10. Kiselev A.A. *Sistema upravleniia i chinovnichestvo belorusskikh gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [The System of Governance and Bureaucracy of the Belarusian Provinces at the End of the 18th – the 1st Half of the 19th Century]. Minsk, Voennaia akademiia RB, 2007. 171 p.

11. Kolmakov N.M. Staryi sud [Old Judiciary]. *Russkaia starina* [Russian Antiquity], 1886, no. 12, pp. 511-544.

12. Mordukhai-Boltovskii V. Zametki ob advokatakh, byvshikh v zapadnykh guberniakh Rossii vo vremia deistviia v nikh Litovskogo statuta [Notes About Lawyers Who Were in the Western Provinces of Russia During the Period of the Lithuanian Statute]. *Vilenskii vestnik* [Wilno Bulletin], 1866, 2 Aug., p. 3.

13. Nolde A.E. *Ocherki po istorii kodifikatsii mestnykh grazhdanskikh zakonov pri grafe Speranskom* [Essays on the History of the Codification of Local Civil Laws under Count Speransky]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1906, iss. 1. 314 p.

14. Okhotskii Ia.D. *Rasskazy o polskoi starine. Zapiski XVIII veka: v 2 t.* [Stories About Polish Antiquity. Notes from 18th Century. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. P.P. Merkurieva, 1874, vol. 1. 336 p.
15. Protokol sluzhebnoi deiatelnosti advokатов Minskogo glavnogo suda [Protocol of the Service Activities of the Lawyers of the Minsk Main Court]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 146, inv. 1, d. 22. 33 l.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (dalee – PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 24, no. 8266, pp. 817-820.
17. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 31, no. 24778, p. 845.
18. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 40, no. 30328, pp. 208-209.
19. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 2, vol. 6, part 1, no. 4233, p. 1.
20. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 2, vol. 15, pt. 1, no. 13591, pp. 443-445.
21. Semenov N.P. Nashi reformy [Our Reforms]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1884, vol. 169, no. 1-2, pp. 282-332.
22. *Statut Velikogo Kniazhestva Litovskogo s podvedeniem v nadlezhchikh mestakh ssylki na konstitutsii, prilichnye sodержaniiu onogo: v 2 ch.* [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania with References to the Constitutions Concerning the Content Thereof. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Pravitelstvuiushch. Senat, 1811, pt. 1. XXVII. 543 p.
23. Ianevich-Ianevskii K. Ob advokatakh i advokature v Rossii [About Lawyers and the Legal Profession in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, 1858, vol. 119, no. 7-8, pp. 145-162.
24. Aleksandravičius E. Świat źmudzkiej palestry na początku XIX wieku. *Palestra*, 2009, no. 7-8, S. 179-186.
25. Car S. *Zarys historii adwokatury w Polsce. Zeszyt 1.* Warszawa, Księgarnia F. Hoesicka, 1925. 105 s.
26. Do wydawcy Wiadomości Brukowych. *Wiadomości Brukowe*, 1817, 21 kwietnia, S. 76-78.
27. Gasztowt J. *Pan Sędzic.* Poitiers, F.-A. Saurin, 1839. 101 s.
28. Godek S. «Rodzay ludzi znaiomych tam pod imieniem Adwokatów, Patronów, Agentów, Jurystów», czyli o palestrze w guberni litewskiej za panowania Pawła I. *Czasopismo Prawno-Historyczne*, 2011, vol. 63, no. 2, S. 283-303.
29. Jankowski C. *Powiat Oszmiański: materiały do dziejów ziemi i ludzi.* Petersburg, Księgarnia K. Grendyszyńskiego, 1896. Cz. 1. 391 s.
30. Korowicki A. *Proces cywilny litewski.* Wilno, Józef Zawadzki, 1826. 316 s.
31. Kraszewski K. *Urywki ze wspomnień nowogrodzkiego szlachcica.* Kraków, Druk Wł. L. Anczyca i Spółki, 1893. 34 s.
32. Lewin I. *Palestra w dawnej Polsce.* Lwów, Pamiętnik Historyczno-Prawny, 1936. 124 s.
33. Morawski S. *Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825).* Warszawa, Biblioteka Polska, 1924. 541 s.
34. Sąd Główny Wileński I Departamentu w Wielkim Xstwie Lit:... *Kuryer Litewski*, 1812, 18 sierpnia, S. 1.
35. Sękowski S. Dziennik podróży Józefa Sękowskiego z Wilna przez Odessę do Sztambułu. *Dziennik Wileński*, 1819, vol. 2, no. 6, S. 565-591.

Information About the Author

Ihar G. Hushchynski, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of General and Preschool Education, Faculty of Preschool Education, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Sovetskaya St, 18, 220030 Minsk, Republic of Belarus, hushchynski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6866-7723>

Информация об авторе

Игорь Геннадьевич Гушинский, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики, факультет дошкольного образования, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, hushchynski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6866-7723>